

«Морфология волшебной сказки» В. Проппа vs. Французский структурализм

Герасименко И. А.

*Научный сотрудник, Фонд «Центр гуманитарных исследований» (г. Москва)
преподаватель-методист, ХЧ УВК «Гимназия ОЧАГ»
(г. Харьков, Украина)*

УДК 130.121

Морфологическая стратегия изучения текстов, разработанная В. Проппом, имеет множество пунктов расхождения с французским структурализмом, несмотря на их кажущееся родство. Отличия обусловлены как приверженностью исследователей разным философским традициям в понимании феномена формы, так и языковыми различиями, по-разному расчертившими мыслительное поле исследований.

Ключевые слова: морфология, форма, Пропп, структурализм, парадигма, действующие лица, актанты, язык, текст.

"Morphology of a fairy tale" by Vladimir Propp vs. French structuralism

Gerasimenko I. A.

*Researcher, Center for Humanitarian Studies Foundation (Moscow)
teacher-methodologist, "Gymnasium OCHAG"
(Kharkov, Ukraine)*

The morphological strategy of studying texts, developed by Vladimir Propp, has many points of divergence with French structuralism, despite their apparent kinship. Differences are due both to the adherence of researchers to different philosophical traditions in understanding the phenomenon of form, and to language differences that have differentiated the thought field of research in diverse ways.

Keywords: morphology, form, Propp, structuralism, paradigm, actors, actants, language, text.

Исследователь волшебной сказки В. Пропп утверждает морфологическую равноценность форм природы и форм искусства, отсылая, тем самым, к пониманию феномена формы в традиции немецкого романтизма, а также возвращаясь к кантовскому сближению природы и искусства. Толкуя концепт формы в русле философии, берущей начало от Гете, Пропп анализирует тексты определенного жанра и обнаруживает в композиционную модель (а не абстрактную логическую схему, как то стремились впоследствии сделать представители французского структурализма). В этой композиционной модели чрезвычайно большую роль играет последовательность (фактор времени), в связи с чем абсолютно недопустимым вторжением автор считает изъятие стабильных элементов формы (функций) из временной последовательности и построение ахронной модели, за что ратовали Леви-Стросс, Греймас и другие представители французского структурализма. Моделирование (конструирование возможных сказок) у Проппа держится принципов точной чувственной фантазии Гете, где границы мысленного варьирования и границы метаморфоза заданы Прафеноменом. Структуралисты же исходят из абстракций, из обезличенных, в прямом смысле слова, сил.

Важное значение имеют особенности языка исследуемых текстов и самого исследования, которые сказываются, в частности, на трактовке мобильных элементов формы («действующие лица»), ведущих себя в повествовании подобно глагольным флексиям и не допускающих принудительной субстантивации и психологизации. Если в английском, французском, немецком и других европейских языках указание на *того, кто*

действует (субъект) не может не иметь самостоятельного выражения – автономной словоформы, то в русском, древнегреческом, латинском и других синтетических языках «субъект» вовсе не нуждается в обязательной автономной субстанции и может заявлять о себе, выражаясь только посредством глагольной флексии, то есть *исключительно морфологически*. Таким образом, устройство подобных языков изымает их из той новоевропейской мышленческой парадигмы, в которой неперенное *логическое* выделение субъекта мотивировано его неперенным *грамматическим* выражением. А коль уж эта грамматикализованная абстракция обязательно имеет место, невольно возникает желание выяснить ее семантическое наполнение – условие существования всякой автономной словоформы.

Пытаясь восполнить этот пропповский «пробел», Греймас вводит конструкт актантов. Если действующие лица – это флексии глаголов-функций, то актанты – уже самостоятельные существительные, а «недоактанты» – причастия, где глагольность уходит в корень (по Греймасу, это не действия, а проекции настоящего актанта – субъекта). Таким образом, глагольная флексия, во-первых, автономизируется, а во-вторых, заявляет свои права на другие действующие лица – как на свои воображаемые проекции. Перед нами совсем иные критерии типологизации.

Пропп не стремится к построению универсальной грамматики, позволяющей получить на выходе любой язык/любой текст. Для него важны: а) реалии конкретного языка и конкретного жанра, б) созерцание как путь, ведущий к выводам. Форма, найденная Проппом, по его определению, – «искусная паутина, не терпящая прикосновений» и имеющая органическую природу. В целом же расхождения Проппа с традицией по видимости наследующего ему, а на деле опровергающего структурализма обусловлены неточностями в переводе и особенностями мышления обеих оппонирующих сторон, обусловленными разными языковыми позициями.